

Г. В. Плехановъ.

Отъ обороны къ нападенію.

Отвѣтъ г. А. Богданову, критика итальянскаго
синдикализма и другія статьи.

Мы никогда не должны оставаться
на оборонительной позиціи, а всегда
переходить къ нападенію.

Вильгельмъ Либкнехтъ.

Складъ изданія: Москва, Моховая, домъ Бенкендорфъ,
книжный магазинъ А. Д. Друтманъ.

[1910]

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

Предисловіе	3
-----------------------	---

I.

Ф и л о с о ф і я .

Отвѣтъ г. А. Богданову:	
Письмо первое	9
Письмо второе	32
Письмо третье	70
Трусливый идеализмъ	111
Ари Бергсонъ	147
О книгѣ г. В. Шулятикова	153
О книгѣ г. Л. Робинсона	158
Юсифъ Дицгень	162
О книгѣ Гольцапфеля	179

II.

Р е л и г і я .

О религіи	185
Еще о религіи	224
О книгѣ Ф. Лютгенау	266
О брошюрѣ А. Паннекука	277
О книгѣ М. Гюйо	282

III.

П у б л и ц и с т и к а .

Критика теоріи и прантики синдинализма:

Аргуро Лабріола	291
Энрико Леона и Иваное Бономи	353

II

О книгѣ А. О. Оливетти	421
Г. В. Черновъ и Поль Луи	426
О книгѣ Н. Критской и Н. Лебедева.	432
Борьба рабочихъ за политическую свободу въ Англии.	440
Мангеймъ.	447
Почему нѣтъ социализма въ Соединенныхъ Штатахъ?	468
Двадцатипятилѣтіе смерти Маркса.	472
Элизе Реклю, какъ теоретикъ анархизма.	486
Анархистъ-индивидуалистъ.	517

IV.

Л и т е р а т у р а .

Сынъ доктора Стокмана.	527
Идеологія мѣщанина нашего времени	549
П. А. Чаадаевъ	637
„Исторія Молодой Россіи“.	659
О книгѣ Д. В. Философова	665

гика? Вѣдь тогда окажется, что для выясненія характера „нашей картины міра“, т.-е. всей, такъ или иначе систематизированной, совокупности „нашихъ“ представлений, мы съ г. Юшкевичемъ ссылаемся на разницу между всей этой картиной съ одной стороны и той „картиной міра“, которая имѣется у нѣкоторыхъ изъ ея составныхъ частей — въ данномъ случаѣ, у червяка и амобы: мы сначала представляемъ себѣ, а потомъ — собственное червяку представление о мірѣ. Другими словами: мы представляемъ себѣ представление, собственное нѣкоторымъ изъ нашихъ представлений, и въ этомъ состоитъ „весь нашъ научный методъ“, и къ этому „научному методу“ сводится все то, что „мы“ можемъ противопоставить матеріализму. Это очень немного! А Петцольдъ воображаетъ, что „мировоззрѣніе“, выработанное съ помощью этого, въ полномъ смыслѣ слова нелѣпаго, метода можетъ быть, пожалуй, признано „окончательнымъ въ своихъ главныхъ чертахъ“. Нечего сказать хорошее придумалъ онъ окончаніе для исторіи философской мысли¹⁾!

Однако, я повторяю: книгѣ Петцольда, повидимому, суждено имѣть большой успѣхъ въ нѣкоторыхъ кругахъ нашей читающей публики. Въ ней излагается очень жалкая философія трусливаго идеализма. Но эта жалкая философія, какъ нельзя лучше, соответствуетъ нашему жалкому времени. Гегель справедливо сказалъ, что всякая философія есть лишь идейное выраженіе своего времени. Русскій народъ выразилъ, если хотите, ту же самую мысль, но только въ гораздо болѣе общей формѣ, сказавъ: по Сенькѣ и шапка!

Анри Бергсонъ²⁾.

Творческая эволюція.—Переводъ съ 3-го французскаго изданія М. Булгакова. Москва, 1909.—Т-во типографіи А. И. Мамонтова.

Гегель въ своихъ „*Чтеніяхъ по исторіи философіи*“ назвалъ греческихъ софистовъ *мастерами въ обращеніи съ мыслями*. Это

1) „Червякъ“ и „амоба“ г. П. Юшкевича привели мнѣ на память тотъ вопросъ, который ставилъ когда-то Ф. А. Ланге: „если червякъ, жукъ, человѣкъ и ангелъ смотрятъ на дерево, то получается ли у насъ *пять* деревьевъ?“ Онъ отвѣчалъ, что у насъ получится *четыре*, по всей вѣроятности, очень различныхъ *представленій* о деревѣ, но что всѣ эти четыре представленія будутъ относиться къ одному и тому же *предмету* (Цит. соч. т. II, стр. 102). Ланге былъ правъ, хотя и нельзя сказать, что его правильный отвѣтъ могъ бы быть очень хорошо обоснованъ съ помощью его (Кантіанской) теоріи познанія. А что отвѣтитъ намъ на тотъ же вопросъ г. П. Юшкевичъ? Сколько получится у него деревьевъ? Я полагаю, что столько же, сколько ихъ получилось бы у Петцольда, который, какъ уже сказано, стремится къ монизму, а приходитъ къ плюрализму. Прибавлю мимоходомъ еще вотъ что: если дерево „въ себѣ“ не существуетъ, между тѣмъ, какъ червякъ, жукъ, человѣкъ и ангелъ одновременно имѣютъ хотя бы и различное представленіе о деревѣ, то у насъ получается въ высшей степени интересный случай „*предустановленной гармоніи*“.

2) „Современный Міръ“, мартъ, 1909.

название можно, по всей справедливости, применить къ Анри Бергсону. Въ обращеніи съ мыслями онъ является настоящимъ мастеромъ. Въ этомъ отношеніи онъ безконечно далеко оставляетъ за собою моднаго теперь у насъ Э. Маха. Э. Махъ почти всегда неловокъ даже тамъ, гдѣ онъ правъ. А. Бергсонъ почти всегда поражаетъ своею ловкостью даже тамъ, гдѣ онъ ошибается. Его нельзя читать безъ удовольствія, какъ нельзя безъ удовольствія смотрѣть на упражненія выдающагося по своему искусству гимнаста.

А. Бергсонъ похожъ на софистовъ и въ томъ отношеніи, что *положительный* результатъ его чрезвычайно искусныхъ логическихъ упражненій весьма невеликъ. Скажемъ больше: этотъ результатъ представляетъ собою *отрицательную величину* тамъ, гдѣ Бергсонъ пытается взглянуть съ *новой* точки зрѣнія на коренные вопросы метафизики и гносеологіи. И на первый взглядъ это можетъ показаться страннымъ. Весьма естественно удивиться умственному безплодію человѣка, одареннаго огромной гибкостью мысли и, къ тому же, обладающаго обширными и разносторонними знаніями. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣло становится совершенно понятнымъ.

Бергсонъ не любитъ ходить по избитымъ тропинкамъ: онъ стремится проложить свою собственную. И онъ, несомнѣнно, обнаруживаетъ не мало оригинальности. Но его оригинальности все-таки хватаетъ лишь *на частности*, которыя у него иногда поистинѣ замѣчательны. А *въ общемъ* онъ не умѣетъ освободиться отъ вліянія господствующей теперь между философами *склонности къ идеализму*. И эта склонность къ идеализму, отъ вліянія которой не умѣетъ избавиться Бергсонъ, несмотря на немалую свою оригинальность, сводитъ, въ концѣ-концовъ, на нѣтъ весь итогъ его, по своему очень замѣчательныхъ, изслѣдованій. Бергсонъ поистинѣ является жертвой своего неумѣнья раздѣлаться съ идеализмомъ. И въ этомъ смыслѣ его примѣръ глубоко поучителенъ.

Чтобы лучше выяснить значеніе этого примѣра, мы обратимъ вниманіе читателя на то, что можно назвать *материалистическимъ* элементомъ во взглядахъ Бергсона.

Вотъ, напримѣръ, на стр. 99-ой его книги „*Творческая эволюція*“ мы читаемъ: „Растеніе приготовляетъ органическія вещества непосредственно изъ веществъ минеральныхъ; эта способность избавляетъ его въ общемъ отъ необходимости двигаться и, вслѣдствіе этого, отъ необходимости чувствовать. Животное, принужденное отыскивать себѣ пищу, развивало въ себѣ актив-

ность и, вслѣдствіе этого, все болѣе широкое и точное сознание“ (стр. 99). Это значить: развитіе *сознанія* обуславливается нуждами *бытія*. Приложите это замѣчаніе,—представляющее собою, впрочемъ, лишь переводъ на языкъ современной биологіи одной изъ глубочайшихъ мыслей Аристотеля,—приложите это замѣчаніе къ объясненію развитія *общественной* мысли, и у васъ получится *теорія историческаго матеріализма*. Бергсонъ и въ самомъ дѣлѣ близко подходитъ къ этой теоріи. Пожалуй, можно даже предположить, что онъ является ея послѣдователемъ. Онъ пишетъ: „Что же касается человѣческаго сознанія, то до сихъ поръ недостаточно подчеркнута, что механическое изобрѣтеніе было вначалѣ его существеннымъ шагомъ, и что еще и теперь наша общественная жизнь имѣетъ своимъ центромъ тяжести приготовленіе и пользованіе искусственными инструментами; что изобрѣтенія, какъ вѣхи, стоящія по пути прогресса, въ то же время намѣтили и направленіе его“ (стр. 118—119). Это—одно изъ основныхъ положеній историческаго матеріализма. Но,—какъ это показываетъ ссылка въ примѣчаніи на стр. 119,—Бергсону знакома лишь та, очень вульгарная разновидность историческаго матеріализма, представителемъ которой явился П. Лакомбъ въ своемъ сочиненіи „Соціологическія основы исторіи“¹⁾. Историческій матеріализмъ Маркса остался Бергсону совершенно неизвѣстнымъ: иначе онъ не приписалъ бы П. Лакомбу того, что гораздо раньше и лучше его сдѣлано было Марксомъ. И это незнакомство съ историческимъ матеріализмомъ въ его классической формулировкѣ привело Бергсона къ тому, что онъ не придалъ надлежащаго значенія *смыслу производственныхъ отношеній въ процессъ развитія человѣческаго общества*. Онъ думаетъ, что „когда пройдутъ тысячелѣтія и отъ прошлаго останутся только крупныя черты, наши войны и революціи покажутся очень маловажными, если вообще будутъ вспоминать о нихъ; о паровой же машинѣ и всевозможныхъ изобрѣтеніяхъ, составляющихъ ея спутниковъ, будутъ говорить, быть можетъ, такъ, какъ мы говоримъ о бронзѣ и о тесанныхъ камняхъ; она будетъ опредѣлять цѣлую эру“ (стр. 119). Это слишкомъ узко. Революціи революціямъ—рознь. Но что касается революцій въ производственныхъ отношеніяхъ, *совокупностью своей характеризующихъ различные способы производства*, то онѣ представляютъ собою настолько „крупныя черты“ въ исторіи общественнаго развитія,

¹⁾ О книгѣ П. Лакомба см. въ третьемъ приложеніи къ послѣднему изданію нашей книги: „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію“.

что, конечно, не покажутся „маловажными“ ни одному серьезному историку. Однако, это мимоходомъ. Главное же здѣсь то, что Бергсонъ такъ опредѣляетъ „законченный интеллектъ“: „*способность изготовлять и употреблять неорганическія орудія*“ (стр. 120; подчеркнуто самимъ Бергсономъ). Это значитъ, что мысль о рѣшающей роли орудій труда въ развитіи человѣчества пріобрѣтаетъ у него *гносеологическое*, — а не только *соціологическое* — значеніе. Да оно и не удивительно. Если у всѣхъ животныхъ вообще *сознаніе* есть, какъ мы видѣли выше, продуктъ *активности*, то естественно, что въ частности у человѣка *способность понимать* есть, какъ выражается Бергсонъ, — „*просто прибавленіе къ нашей способности дѣйствовать*“ (стр. 3; курсивъ нашъ). Иначе и быть не можетъ: вторая мысль есть не болѣе, какъ частный случай первой¹⁾. Однако, весьма естественно и то, что теорія познанія получаетъ материалистическій видъ съ этой материалистической точки зрѣнія. „Дѣйствіе не можетъ происходить въ нереальности“, — совершенно справедливо говоритъ Бергсонъ (стр. 5). Поэтому хотячя разсужденія о томъ, что мы не знаемъ и не можемъ познать сущность вещей; что мы должны остановиться передъ непознаваемымъ и т. п. оказываются неосновательными. „Можно допустить, — говоритъ Бергсонъ, — что умъ, созданный для умозрѣній или мечтаній, остается чуждымъ дѣйствительности; что онъ передѣлываетъ и преобразуетъ ее; что, можетъ быть, онъ даже творитъ ее, какъ мы своимъ воображеніемъ создаемъ фигуры людей и животныхъ изъ обрывковъ проносящихся облаковъ. Но умъ, направленный на реальныя дѣйствія и на неизбѣжную реакцію ихъ; умъ, прикасающійся къ предметамъ, чтобы въ каждый моментъ получать отъ нихъ мѣняющіяся впечатлѣнія, такой умъ кое въ чемъ соприкасается съ абсолютомъ“ (стр. 5). Выраженіе „абсолютъ“ можетъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ. Мы считаемъ его здѣсь неумѣстнымъ. Но, не вступая въ терминологическій споръ съ Бергсономъ, мы охотно признаемъ, что онъ правъ: мы не могли бы дѣйствовать на внѣшнюю природу, если бы она оставалась недоступной для нашего познанія. Это давно и хорошо выяснено въ материалистической философіи Маркса и Энгельса²⁾. Пойдемъ дальше. Бергсонъ утверждаетъ, что „тамъ, гдѣ активность направлена на производство (какъ у человѣка. Г. П.),

¹⁾ Тутъ надо замѣтить еще одно: приручая *животныхъ*, человѣкъ пріобрѣтаетъ себѣ въ нихъ *органическія орудія труда*; а между тѣмъ, ихъ прирученіе тоже есть отчасти дѣло „*интеллекта*“. Это очень важно.

²⁾ См. мою полемику съ г. Конрадомъ Шмидтомъ въ сборникѣ „*Критика нашихъ критиковъ*“.

познание необходимо касается отношений“ (та же стр.). Это тоже как нельзя болѣе вѣрно. И отсюда опять вытекають совершенно материалистическіе выводы. Если бы Бергсонъ захотѣлъ ихъ сдѣлать и прослѣдить ихъ до логическаго конца, то онъ, при своей сильной склонности и выдающейся способности къ діалектическому мышленію, освѣтилъ бы яркимъ свѣтомъ важнѣйшіе вопросы теоріи познанія. Но онъ ни за что не хочетъ дѣлать ихъ. Онъ—убѣжденный идеалистъ, для котораго физика есть лишь „отраженная психика“. Поэтому его, такъ много обѣщающія, гносеологическія разсужденія приводятъ къ избитымъ пустякамъ, и вмѣсто новыхъ результатовъ мы видимъ у него лишь старое, такъ хорошо знакомое намъ идеалистическое *petitio principii*.

Непреодолимое предубѣжденіе въ пользу идеализма опрокидываетъ у Бергсона тѣ самыя положенія, которыя ему удается сдѣлать, опираясь на свои материалистическія послылки. Такъ, объявивъ нашу способность *понимать* простымъ добавленіемъ къ нашей способности *дѣйствовать*, онъ, подъ предлогомъ дальнѣйшаго анализа, спѣшитъ прибавить, что въ „*дѣйствительности не существуетъ ни вещей, ни дѣйствій*“ (стр. 211; курсивъ нашъ). Это очень радикально! Но если это такъ, если нѣтъ *ни вещей ни дѣйствій*, то само собою ясно, что мыслителю не остается ничего другого, какъ апеллировать къ *сознанію*. Бергсонъ такъ и поступаетъ. Сознаніе является у него „основнымъ началомъ“ (стр. 202). Правда, онъ оговаривается при этомъ, что выраженіе: „сознаніе“ употреблено имъ лишь за неимѣніемъ лучшаго слова, и что рѣчь идетъ у него отнюдь „не о томъ сокращенномъ сознаніи, которое функционируетъ въ каждомъ изъ насъ“ (тамъ же). Но подобная оговорка, не заключающая въ себѣ ровно ничего новаго, не только не поправляетъ дѣла, а еще болѣе запутываетъ его: сверхъ-индивидуальное сознаніе есть мнѣ, ссылка на который можетъ удовлетворить *религіозное чувство* вѣрующаго человѣка, но рѣшительно не въ состояніи обосновать *философію*, въ самомъ дѣлѣ *чуждающуюся догматизма*.

Вернувшись въ идеалистическую гавань изъ своихъ материалистическихъ экскурсій, Бергсонъ рѣшаетъ, что *интеллектъ* способенъ познать дѣйствительность только съ ея *внѣшней* стороны, и что это не есть настоящее познаніе (см., напримѣръ, стр. 167). Настоящее познаніе, познаніе дѣйствительности съ ея *внутренней* стороны можетъ дать намъ только такая философія, которая выходитъ за предѣлы интеллекта и апеллируетъ къ *интуиціи*. Нечего и говорить, что этимъ самымъ нашъ мыслитель широко

открываетъ дверь для *фантази*. Подъ тѣмъ предлогомъ, что „философъ долженъ итти дальше ученаго“ (стр. 317), онъ сочиняетъ философскую сказку, о характерѣ и содержаніи которой можетъ дать нѣкоторое представленіе слѣдующій отрывокъ:

„Вообразимъ себѣ приѣмникъ съ паромъ высокаго давленія, гдѣ сквозь щели сосуда паръ струйками проходитъ наружу. Этотъ вышедшій на воздухъ паръ почти цѣликомъ конденсируется въ капельки, капельки падаютъ на землю; очевидно, что эта конденсація и паденіе представляютъ нѣкоторую потерю чего-то, представляютъ нѣкоторый перерывъ и дефицитъ.— Однако, незначительная доля пара остается не конденсированной въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній; эта доля стремится поднять падающія капли, но самое большее, что ей удастся, это задержать ихъ паденіе. Точно также изъ необъятнаго запаса жизни непрерывно текутъ отдѣльныя струйки, которыя при паденіи образуютъ міры. Внутри этихъ міровъ развитіе живыхъ существъ представляетъ остатокъ первоначальной струи, тотъ импульсъ, который продолжается въ направленіи, прямо противоположномъ матеріальности“ (211).

Если вы замѣтите, что это *comparaison n'est pas raison*, какъ и всякое другое, то Бергсонъ немедленно согласится съ вами. „Мы не должны, — скажетъ онъ, — особенно упираться на это сравненіе. Оно даетъ только слабый и не совсѣмъ вѣрный образъ дѣйствительности, такъ какъ отверстія, струя пара и образованіе капель—все это необходимо обусловлено, тогда какъ сотвореніе какого-нибудь міра представляетъ свободный актъ, и жизнь, находящаяся внутри матеріальнаго міра, также заключаетъ въ себѣ эту свободу. Скорѣй можно сравнить это твореніе съ какимъ-нибудь жестомъ, напр., съ поднятіемъ руки; когда, напр., рука предоставляется самой себѣ, она падаетъ, но все же въ ней сохраняется часть одушевлявшей ее воли, стремящейся поднять ее. Этотъ образъ *творческаго жеста, который затѣмъ прекращается*, даетъ намъ болѣе точное представленіе того, о чемъ мы говорили“ (та же стр.).

Жизнь есть творческій жестъ, „порывъ“. *Матерія, это—прекращеніе порыва, остановка творческаго жеста.* Мы увѣрены, что теперь многіе русскіе читатели найдутъ это и понятнымъ, и глубокомысленнымъ. Мы отъ души поздравляемъ этихъ читателей и желаемъ имъ дальнѣйшаго проникновенія, подъ руководствомъ Бергсона, въ сущность жизни, разсматриваемой съ ея *внутренней* стороны. Для тѣхъ же, которые не увлекаются нынѣшней философской модой на идеализмъ, мы, заканчивая эту длинную

рецензію, замѣтимъ, что въ своей интуитивной философіи Бергсонъ дѣлаеть двѣ огромныхъ ошибки.

Во-первыхъ, попытка взглянуть на процессъ возникновенія дѣйствительности съ его внутренней стороны заранѣе осуждена на жестокую неудачу: ничего, кромѣ густого мистическаго тумана, изъ нея никогда не выходило и выйти не можетъ. Почему? На это отвѣтилъ еще Спиноза 23-й теоремой второй части своей „*Этики*“¹⁾.

Во-вторыхъ, *процессъ становленія*, о которомъ такъ много говоритъ Бергсонъ, понимается имъ крайне односторонне: *въ немъ совершенно отсутствуетъ элементъ тубытія*. Этимъ, конечно, облегчается „разложеніе матеріальнаго міра въ простой потокъ“, на которомъ настаиваетъ Бергсонъ въ интересахъ своего мистическаго идеализма, но этимъ самымъ *діалектика превращается въ простую софистику*, какъ это ясно видно уже изъ исторіи греческой философіи.

Бергсонъ симпатизируетъ *Плотину*. Иначе и быть не можетъ. Это вполне естественно. Но что Бергсономъ увлекаются нѣкоторые *теоретики французскаго синдикализма*, это — одно изъ самыхъ забавныхъ недоразумѣній, какія только знаетъ богатая недоразумѣніями исторія философской мысли. И это недоразумѣніе показываетъ, на какомъ низкомъ теоретическомъ уровнѣ сидитъ мысль теоретиковъ французскаго синдикализма: *ниже упасть невозможно!*

О книгѣ г. В. Шулятикова²⁾.

В. Шулятиковъ. *Оправданіе капитализма въ западно-европейской философіи.* (Отъ Декарта до Маха). „Московское книгоиздательство“. Москва, 1908.

Г. В. Шулятиковъ пишетъ: „Въ интеллигентскихъ кругахъ установилось традиціонное отношеніе къ философіи: на послѣднюю смотрять, какъ на своего рода *Privatsache*, какъ на нѣчто такое, что составляетъ область индивидуальнаго благоусмотрѣнія, индивидуальныхъ оцѣнокъ, индивидуальнаго творчества. Утверждаютъ, что расхожденіе, даже самое коренное, въ философскихъ вопросахъ, отнюдь не должно свидѣтельствовать о наличности социальныхъ антагонизмовъ. Философскія идеи представляются слишкомъ мало и слишкомъ слабо связанными съ какой бы то не было классовой подпочвой. И защита опредѣленной классовой

1) *Примѣчаніе къ настоящему изданію.* „Душа познаетъ саму себя лишь постольку, поскольку она воспринимаетъ идеи испытываемыхъ тѣломъ впечатлѣній“. („*Этика*“, ч. II., стр. 84).

2) „Современный Міръ“, май, 1909.